

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИСКУССТВА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ)¹

В сороковых годах большинство образованных людей в России живо интересовалось немецкой философией; лучшие наши публицисты передавали русской публике, насколько то было возможно, идеи, господствовавшие тогда в ней. Это были идеи Гегеля и его учеников.

Теперь в самой Германии остается мало последователей Гегеля; тем меньше остается их у нас². Но в конце сороковых и в начале пятидесятих годов его философия владычествовала в нашей литературе. Почти все люди просвещенного образа мыслей сочувствовали ей, насколько знали ее из неполных изложений ее нашими публицистами³. Немногие, имевшие привычку читать философские книги на немецком языке, были в своих кружках разъяснителями того, что не досказывалось в печатных русских изложениях ее; этих комментаторов слушали жадно, они пользовались глубоким уважением своих любознательных знакомых. При жизни Гегеля единство образа мыслей поддерживалось между его учениками личным его авторитетом. Но уже и при нем появлялись в немецкой философской литературе исследования, в которых излагались выводы из основных его идей, или умалчиваемые, или в случае крайней надобности даже порицаемые им. Важнейшим из таких исследований было анонимное сочинение «Мысли о смерти и бессмертии» («Sedanken über Tod und Unsterblichkeit»)⁴. Оно было напечатано в 1830 году, за год до смерти Гегеля. Когда умер авторитетный учитель, одинаковость мыслей у массы его последователей стала ослабевать, и в 1835 году, по поводу издания трактата Штрауса «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu»)⁵, школа Гегеля распалась на три отдела: некоторые остались верны системе осторожного либерализма своего учителя; важнейшими из них были Мишелет и Розенкранц; они образовали отдел, который получил название центра; довольно многие стали открыто выска-

зывать мнения решительно прогрессивные; сильнейшим представителем этого направления был Штраус; он и шедшие вместе с ним философы образовали левую сторону гегелевской школы; очень многие ученики Гегеля были шокированы резкостью их мнений, в особенности выводами экзегетики⁶ Штрауса, и в полемике с левой стороной отбросили все те прогрессивные элементы, которые были соединены с консервативными в системе Гегеля; эта многочисленная группа составила правую сторону. Центральная партия старалась смягчить полемику правой стороны с левой, но это оказалось невозможным; они, идя каждая своим направлением, отходили все дальше и дальше одна от другой, и перед тем временем, когда политические события 1848 года⁷ дали массе немецкой публики интересы, перед которыми утратили важность философские споры, разрыв между левой и правой сторонами гегельянцев произвел тот результат, что большинство философов правой стороны уже держалось только терминологии Гегеля, излагая посредством ее идеи XVIII века, а большинство мыслителей левой стороны влагало в рамки гегелевской диалектики содержание, более или менее сходное с так называемой философией энциклопедистов⁸.

Автор «Мыслей о смерти и бессмертии», Людвиг Фейербах, занимался несколько лет трудами по истории новой философии. Вероятно, они содействовали тому, что понятия его приобрели широту, далеко переходившую обычный круг идей немецкой философии, развившейся после Канта. Левая сторона гегелевской школы считала его своим. Он сохранял часть гегелевской терминологии. Но в 1845 году, в предисловии к Собранию своих сочинений, он уже говорил, что философия отжила свой век, что ее место должно быть занято естествознанием. Делая обзор тех фазисов развития, которые проходила его мысль, и показывая при каждом из них, почему она не остановилась на нем, признала его устаревшим и перешла к следующему, он, по изложению основных идей последних своих трудов, говорит: «Но и эта точка зрения не устарела ли?» и отвечает: «К сожалению, да, да!» *Leider, leider!* Это заявление, что он считает устаревшими и такие свои труды, как «Сущность религии» («*Das Wesen der Religion*»)⁹, основывалось на надежде, что скоро явятся натуралисты, способные заменить философов в деле разъяснения тех широких вопросов, исследование которых было до той поры специальным занятием мыслителей, называвшихся философами.

Оправдалась ли надежда Фейербаха хотя теперь, больше чем через 40 лет после того, как была высказана? — вопрос, которого я не буду разбирать. Мой ответ на него был бы грустный.

Автор брошюры, к третьему изданию которой пишу я предисловие, получил возможность пользоваться хорошими библиотеками и употреблять несколько денег на покупку книг в 1846 году. До того времени он читал только такие книги, какие можно до-

ставать в провинциальных городках, где нет порядочных библиотек. Он был знаком с русскими изложениями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться с Гегелем в подлиннике, он стал читать эти трактаты. В подлиннике Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидал он по русским изложениям. Причина состояла в том, что русские последователи Гегеля излагали его систему в духе левой стороны гегелевской школы. В подлиннике Гегель оказывался более похож на философов XVII века и даже на схоластиков, чем на того Гегеля, каким являлся он в русских изложениях его системы. Чтение было утомительно по своей явной бесполезности для формирования научного образа мыслей. В это время случайным образом попалось желавшему сформировать себе такой образ мыслей юноше одно из главных сочинений Фейербаха¹⁰. Он стал последователем этого мыслителя; и до того времени, когда житейские надобности отвлекли его от ученых занятий, он усердно перечитывал и перечитывал сочинения Фейербаха.

Лет через шесть после начала его знакомства с Фейербахом представилась ему житейская надобность¹¹ написать ученый трактат. Ему казалось, что он может применять основные идеи Фейербаха к разрешению некоторых вопросов по отраслям знаний, не входившим в круг исследований его учителя.

Предметом трактата, который нужно было ему написать, должно было быть что-нибудь относящееся к литературе. Он вздумал удовлетворить этому условию изложением тех понятий об искусстве, и в частности о поэзии, которые казались ему выводами из идей Фейербаха. Таким образом, брошюра, предисловие к которой пишу я, — попытка применить идеи Фейербаха к разрешению основных вопросов эстетики.

Автор не имел ни малейших притязаний сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему. Он желал только быть истолкователем идей Фейербаха в применении к эстетике.

Странную несообразность с этим представляет то обстоятельство, что во всем его трактате ни разу не упоминается имя Фейербаха. Дело объясняется тем, что это имя было тогда невозможно употреблять в русской книге. У автора нет и имени Гегеля, хотя он постоянно полемизирует против эстетической теории Гегеля, продолжавшей господствовать тогда в русской литературе, но излагавшейся уже без упоминаний о Гегеле. Это имя тоже было неудобно тогда для употребления на русском языке¹².

Из трактатов по эстетике лучшим считался тогда обширный и очень ученый труд Фишера «Эстетика, или наука прекрасного» («*Aesthetik, oder Wissenschaft der Schönen*»). Фишер был гегельянец левой стороны, но имя его не принадлежало к числу неудобных, потому автор называет его, когда имеет необходимость сказать, против кого же полемизирует он; и когда надобно приводить подлинные слова какого-нибудь защитника опровергаемых

автором эстетических понятий, он делает выписки из «Эстетики» Фишера. «Эстетика» самого Гегеля в то время была устарелой по фактическим подробностям; в этом состояла причина предпочтения, которое отдавалось тогда «Эстетике» Фишера, труду в то время еще новому, свежему. Фишер — мыслитель довольно сильный, но сравнительно с Гегелем он пигмей. Все его отступления от основных идей «Эстетики» Гегеля — порча их. Впрочем, те места, которые приводит автор, излагают идеи Гегеля без всяких перемен.

Прилагая основные идеи Фейербаха к разрешению эстетических вопросов, автор приходит к системе понятий, находящихся в совершенном противоречии с эстетической теорией, которой держится Фишер, гегельянец левой стороны. Это соответствует отношению философии Фейербаха к философии Гегеля даже в том ее виде, какой получила она у мыслителей левой стороны школы Гегеля. Она нечто совершенно иное, чем метафизические системы, самой лучшей из которых в научном отношении была гегелевская. Родство содержания исчезло, осталось только употребление некоторых терминов, общих всем немецким системам философии с Канта до Гегеля. Мыслители левой стороны школы Гегеля видели у Фейербаха, по достижении им самостоятельности, такие желания относительно общественного быта, которые были и у них самих, как и у огромного большинства просвещенных людей того времени; поэтому они считали его своим. До 1848 года не была замечается ими коренная разница его образа мыслей от их понятий. Она обнаружилась различием взгляда на события весны 1848 года в Германии¹³. Переворот, происшедший в конце февраля во Франции, ободрил партию реформы в Германии: ей показалось, что масса немецкого народа сочувствует ее стремлениям, и в первых числах марта она при одобрении массы горожан захватила власть в Бадене, Вюртемберге, в мелких государствах Западной Германии; несколькими днями позднее произошел переворот в Австрии: Венгрия получила независимость от венского правительства. Через неделю после переворота в Вене произошел переворот в Берлине. Партия реформы получила уверенность, что не только правительства второстепенных и мелких немецких государств, сформированные из ее местных вождей, будут помогать исполнению ее желаний, но и австрийское и прусское правительства, составленные теперь из людей более или менее либерального образа мыслей и патриотического направления чувств, или будут помогать ей, или, по крайней мере, повиноваться ее требованиям. В конце марта собрался во Франкфурте, столице прежней немецкой империи, многочисленный съезд представителей либеральной партии. Они объявили свое собрание (форпарламент, предварительный парламент) имеющим власть и обязанность сделать распоряжения о созвании немецкого парламента («национального собрания»), контролировать действия заседавшего во Франк-

фурте немецкого сейма, состоявшего по старому устройству из уполномоченных от немецких правительств, и принимать меры, необходимые для того, чтобы все немецкие правительства, в том числе и прусское и австрийское, повиновались этому сейму, постановляющему решения, диктуемые форпарламентом. Действительно, все правительства повиновались, даже и прусское и австрийское повиновались форпарламенту и немецкому сейму, над которым владычествовал он. По всей территории учрежденной в 1815 году федерации государств, называвшейся Немецким союзом, были произведены выборы депутатов в немецкий парламент, который соберется во Франкфурте и установит новое государственное устройство Германии, обратит ее из федерации государств, Staatenbund, в «федеративное государство», Bundesstaat. Национальное собрание (как назывался этот немецкий парламент) открыло 18 мая свои заседания во Франкфурте; все правительства признали его власть. Оно 14 июня выбрало временным правителем Германии эрцгерцога Иоанна, дядю австрийского императора, передавшего ему временное управление Австрией. Он привел в порядок австрийские дела, приехал во Франкфурт и 12 июля принял на себя управление Немецким союзом. Не только австрийское, но и прусское правительство признало его власть. Немецкое национальное собрание занималось составлением конституции немецкого союзного государства. Повидимому, исполнялись надежды немецкой партии реформ.

Вся левая сторона гегелевской школы деятельно участвовала в событиях, имевших своим результатом созвание немецкого национального собрания, повиновение немецких правительств ему, учреждение временного центрального правительства и повиновение всех частных немецких правительств ему.

Фейербах не принял никакого участия ни в агитации, которая привела к этим успехам, ни в совещаниях немецкого национального собрания. Этим он навлек на себя порицания. Когда дело кончилось падением всех надежд партии реформ, он сказал, что с самого начала предвидел полную неудачу, потому и не мог участвовать в деле, которое считал с самого начала не имеющим никаких шансов успеха. Программа партии реформ была, по его мнению, непоследовательна, силы партии реформ были недостаточны для преобразования Германии, надежды ее на успех фантастичны. Когда он высказал это мнение, оно уже казалось справедливым огромному большинству просвещенных людей в Германии. Если б он стал оправдываться раньше, то к несправедливому порицанию прибавилось бы справедливое, что заявлением своего мнения он ослабил партию реформ. Потому он молча выносил упрек в недостатке смелости, в холодности к благу нации. Теперь дело партии реформ было окончательно проиграно, и оправданием своего образа действий он уже не мог повредить ей.

Различие его взгляда на политические события весны 1848 го-

да от взгляда левой стороны гегелевской школы соответствовал различию его системы философских убеждений от тех мыслей, которых держалась она. Философский образ мыслей учеников Гегеля, составивших по его смерти левую сторону гегельянства, был недостаточно последователен, сохранял слишком много фантастических понятий, или принадлежавших специально системе Гегеля, или общих ей со всеми метафизическими системами немецкой философии, начиная с Канта, который, восставая против метафизики, сам погружался в нее глубже предшествовавших ему и опровергаемых им немецких философов школы Вольфа. Вместе с тем философы левой стороны гегелевской школы были недостаточно разборчивы в усвоении себе тех взглядов специалистов по естествознанию и по общественным наукам, которые казались прогрессивными; вместе с научной истиной они брали из этих специальных трактатов много ошибочных теорий. Эти слабые стороны образа мыслей философов левой стороны гегельянства с наибольшей резкостью проявляются в трудах Бруно Бауэра, того из ее деятелей, который был умом сильнее всех других, кроме Штрауса. Он несколько раз переходил от одной крайности к другой и, например, начав осуждением экзегетической критики Штрауса за ее разрушительность, сам через несколько времени написал экзегетический трактат, сравнительно с которым экзегетика Штрауса оказывалась консервативной (теорию мифа, которой держался Штраус, Бруно Бауэр заменил теорией личного авторского произвола)¹⁴; потому его труды, свидетельствующие об очень большой силе ума, не приобрели такого влияния на мысли рассудительных людей, как труды Штрауса, всегда оставшегося человеком рассудительным.

Постоянно работая над улучшением своих понятий, Штраус привел их, наконец, в систему, которую изложил в трактате «Старая вера и новая вера» («Der alte und der neue Glaube»). Эта книга вышла в 1872 году. Повидимому, Штраус предполагал тогда, что совершенно очистил свои понятия от метафизических элементов. Так показалось и большинству образованных людей в Германии. На самом деле, он, принимая все выводы естествознания, сохраняет в своих мыслях довольно много метафизических элементов; а теории натуралистов принимает слишком неразборчиво, не имея силы различить в них недоразумения от научной истины.

Фейербах был не таков; его система имеет чисто научный характер.

Но вскоре после того, как он выработал ее, болезнь ослабила его деятельность. Он был еще не старик, но уже чувствовал, что у него не останется времени изложить сообразно с основными научными идеями те специальные науки, которые оставались тогда и остаются до сих пор ученой собственностью так называемых философов, по неподготовленности специалистов к разработке широких понятий, на которых основывается решение коренных во-

просов этих отраслей знания. (Если называть эти науки старыми их именами, то главные из них: логика, эстетика, нравственная философия, общественная философия, философия истории). Поэтому-то в предисловии к собранию своих сочинений в 1845 году он уж говорил, что его труды должны быть заменены другими, но что у него уже нет сил произвести эту замену. Этим чувством объясняется его печальный ответ на вопрос, который он предлагает себе: «Не устарела ль и нынешняя твоя точка зрения? К сожалению, да, да!» *Leider, leider!* Действительно ль устарела она? Разумеется, да, в том смысле, что центр исследований о наиболее широких вопросах науки должен быть перенесен из области специальных исследований о теоретических убеждениях народных масс и об ученых системах, построенных на основании этих простонародных понятий, в область естествознания¹⁵. Но этого не сделано до сих пор. Те натуралисты, которые воображают себя строителями всеобъемлющих теорий, на самом деле остаются учениками, и обыкновенно слабыми учениками, старинных мыслителей, создавших метафизические системы, и обыкновенно мыслителей, системы которых уже были разрушены отчасти Шеллингом и окончательно Гегелем. Достаточно напомнить, что большинство натуралистов, пытающихся строить широкие теории законов деятельности человеческой мысли, повторяют метафизическую теорию Канта о субъективности нашего знания, толкуют со слов Канта, что формы нашего чувственного восприятия не имеют сходства с формами действительного существования предметов, что поэтому предметы, действительно существующие, и действительные качества их, действительные отношения их между собою не познаваемы для нас, и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметом нашего мышления, влагающего весь материал знаний в формы, совершенно различные от форм действительного существования, что и самые законы мышления имеют лишь субъективное значение, что в действительности нет ничего такого, что представляется нам связью причины с действием, потому что нет ни предыдущего, ни последующего, нет ни целого, ни частей, и так далее, и так далее. Когда натуралисты перестанут говорить этот и тому подобный метафизический вздор, они сделаются способны выработать и, вероятно, выработают, на основании естествознания, систему понятий более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом. А пока лучшим изложением научных понятий о так называемых основных вопросах человеческой любознательности остается то, которое сделано Фейербахом¹⁶.

Автор брошюры, выходящей теперь новым изданием, высказывал в ней, насколько мог, что придает важность только тем мыслям, которые взял из трактатов своего учителя, — что эти страницы его брошюры составляют все достоинство, какое может быть найдено в ней; те выводы, какие он делал из мыслей Фейербаха для разрешения специальных эстетических вопросов,

казались ему в то время правильными; но он и тогда не считал их особенно важными. Он был доволен своим небольшим трудом только в том отношении, что ему удалось передать на русском языке некоторые из идей Фейербаха в тех формах, какие представляла тогда для подобных работ необходимость сообразоваться с условиями русской литературы.

Сделав анализ понятия о прекрасном, автор говорит, что определение этого понятия, кажущееся ему справедливым, составляет, по его мнению, «вывод из таких общих воззрений на отношения действительного мира к воображаемому, которые совершенно различны от господствовавших прежде в науке». Это надобно понимать так: он делает вывод из той мысли Фейербаха, что воображаемый мир только переделка наших знаний о действительном мире, производимая нашей фантазией в угождение нашим желаниям; что эта переделка бледна по интенсивности и скучна содержанием сравнительно с впечатлениями, производимыми на наши мысли предметами действительного мира¹⁷.

Вообще автору принадлежат только те частные мысли, которые относятся к специальным вопросам эстетики. Все мысли более широкого объема в его брошюре принадлежат Фейербаху. Он передавал их верно и, насколько допускало состояние русской литературы, близко к изложению их у Фейербаха.

Пересматривая его брошюру, мы сделали несколько поправок в тексте. Они относятся исключительно к мелочам. Мы не хотели переделывать перепечатаваемую нами брошюру. В старости не годится переделывать то, что написано в молодости.

1888 г.